

ням социальной лестницы. «Любознательные поиски Джека из Дувра» — из той же серии. Сборник рассказов выстроен по географическому принципу и объединен рамочным сюжетом — поиском самой большой глупости. Естественно, ей суждено обнаружиться именно в столице. Джек собирает истории по городам и графствам Английского королевства: при случае читатель может изучить реальную историческую географию того времени. Несмотря на то что маршрут Джека вряд ли рационально воспроизводить пешим ходом (равно как и с помощью иных средств передвижения), определенная пространственная логика в нем все же наблюдается. Джек начинает в Хантингтоне и планомерно продвигается на север и на восток, делает круг, завершая его в Виндзоре, затем отправляется на второй круг через Девоншир и Корнуолл, завершая свое путешествие в Лондоне. Сам Джек родом из Кента, но там он, судя по всему, решил дураков не искать.

Маршрут этот может иметь вполне прозаическое объяснение — он похож на путь, который проделывали трупы актеров (вспомните «Гамлета»), путешествуя по городам Англии с представлениями.

Цикл историй Джека из Дувра кажется бесхитростным на фоне таких произведений, как «Декамерон» Джованни Боккаччо или «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера. Рамочный сюжет донельзя прост, большинство из рассказов позаимствовано из средневековых сборников назидательных новелл, но сдобрено местным, английским колоритом. О Джеке из Дувра нам не известно ничего, кроме упоминания этого имени в прологе к «Рассказу повара» Джеффри Чосера, где упоминается тот, кто всучивал дважды остывшее и дважды подогретое угощение.⁶ Очевидно, что плут этот был еще тот. На самом деле под этим именем скрывается сушеный засоленный хек (или «морская щука»), а его портовое происхождение идет оттуда же, откуда обычай выставлять на стол «дуврское» вино — опивки, собранные со столов и налитые в новую бутылку: «Dover» понимали как «to do-it-over-again» (повторить еще раз). В 1601 году к сборнику рассказов Джека из Дувра было опубликовано продолжение; выходит, сам сборник напечатали еще во времена королевы. Елизаветы. Единственная сохранившаяся копия относится к 1604 году. Книги должны были продаваться в магазине с вывеской в виде папской головы над дверью таверны, неподалеку от биржи».

Другое дело «Парламент, протертый до дыр» — сегодня этот трактат известен по двум брошюрам, изданным в 1608 и 1615 годах. Если во времена Высокого Средневековья основным объектом пародии становились церковная служба и Святое Писание,⁷ то в новые времена ничего лучше постановлений парламента нельзя было и придумать. Ленивый не создавал в ту далекую эпоху поэтических, политических или религиозных обществ. Уже даже не важно было «ради чего», главное — обнаружить объект для агитации «против». Подходили идиоты, неверующие, женщины, еда, ведьмы, ханжи, паписты и так далее. Мы знаем эту эпоху по пьесам Шекспира и его современников и по сонетам того же Шекспира и иже с ним. По правде говоря, век или полтора века спустя после того, как Уильям Какстон завез в Англию печатный станок, в типографиях Лондона издавалась литература самого разного рода (долгое время не устаивавшаяся в учебниках более чем одной страницы на тысячу): подробные отчеты о разоблачении и сожжении ведьм перемежались с рассуждениями о вреде табака или бесчестной игре в кости. «Парламент, протертый до дыр» — это устав и постановление одновременно, поскольку надо было себя занять. В Лондоне уже два века боролись с проституцией всеми возможными и невозможными способами: так, еще в 1393 году всем после девяти часов вечера запрещалось покидать пределы города и отправляться в его окрестности, куда переселили дам легкого поведения, к тому же ночью по городу запрещалось ходить в маске (а то некоторые отправлялись искать приключения, пряча свое истинное лицо). Свободное время уходило на творчество. Или на игру в кости.

Трактат, разоблачающий всю подноготную игры в кости, известен в двух копиях, которые, судя по владельческим записям, относятся еще к первой половине XVI века. Шулерство, игра в наперстки, финансовые пирамиды и подобного рода забавы — удел не только обществ периода кризиса и упадка. Игра в кости считалась пороком благородных, поскольку сам император Август, если верить Светонию, был к ней пристрастен и охотно спонсировал своих партнеров по игре.⁸ Естественно, в

⁶ [6] В доступном читателям русском переводе И. Кашкина имя Джека опущено.

⁷ [7] Лучшие образцы этих пародий известны читателю в переводах М. Л. Гаспарова и Б. И. Ярхо и опубликованы в книге «Поэзия вагантов» (изд. подготовил М. Л. Гаспаров. М., 1975).

⁸ [8] Светоний. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1988. С. 86–87.